

Выдержка из книги Петры Реатеги

Придворный художник.

Похищенная жизнь

Фёдора Иванова

по прозвищу Калмык

triglyph

II

В необъятной степи, 1770 г.

«Степи, где калмыки пасут свои стада, простираются между Доном и Волгой, от Царицынской линии до самого Кавказа, между Волгой и Уралом и от Иргиза до Каспийского моря», — говорится в докладе немецкого географа, химика и ботаника Иоганна Готтлиба Георги от 1780 г.

За юртой в низине на корточках сидел мальчик и сбивал одну из разбросанных на платке косточек другой: «верблюда» – «верблюдом», «козу» - «козой». Яркий солнечный свет слепил глаза, и ребенок не мог разглядеть, правильно ли он целится. Он еще ничего не знал о крике. Не знал, что он его никогда не забудет. Он был поглощен игрой. Бараньи косточки щелкали и постукивали, когда бились друг о друга. Каждый из друзей хотел выиграть. Однажды один из товарищей толкнул и накричал на него. Мальчик закричал в ответ, разбросал косточки и бросился на старшего с кулаками. Ударил ли старший в ответ?

Ему сложно воскресить в памяти проведенные за юртой дни. Воспоминания, едва появившись, вновь исчезают: лица, пейзажи, цвета, которые наверняка существовали, расплываются, растекаются и размазываются в серую массу. Но он все еще помнит пение ветра, шелест колышущейся травы

и руки, которые, убаюкивая, носили его, ребенка, меж шатров. А еще запах вареного мяса, молодой баранины.

Однажды, когда он был чуть старше и больше не игрался с косточками в низине за юртами, и, когда люди вокруг него называли юрты кибитками, а мальчик вначале не понимал, что они имеют в виду, он снова почувствовал этот запах. Он последовал ему и увидел женщину с глазами такими же как у него. Она варила мясо в бульоне, баранину.

Было другое слово для юрт, не кибитки. Ну и, конечно, не юрты. Слово «юрта» он узнал уже после слова «кибитка». Правильное слово было другим. Иногда ему казалось, что оно вертится у него на языке, и ему нужно лишь выдавить его из себя. Сейчас. Ну же! Но не получалось. Его голова была пуста как высохшая река.

Юрты или кибитки, за которыми он играл ребенком, были белыми, иногда черными. Но может быть ему об этом рассказала женщина с глазами как у него. «Наши кибитки белые, лишь иногда черные», - могла бы она сказать, в то время как он жевал мясо и наблюдал как она готовит. Но неважно какого цвета были юрты, внутри всегда было тепло. Тепло и сытно от горячего бульона, который кипел на огне. Тепло и мягко между свисающими с древков флагами из тонкой ткани, которые развевались на ветру как призраки. Тепло и уютно под войлочными

покрывалами, в которые он закутывался по вечерам. И они пахли, но по-другому. Верблюдом и ковылем.

«Шага », — сказала женщина с глазами похожими на его, готовя бараний бульон. Он показал ей косточки, она взяла их. «У тебя всего шесть? Этого мало, чтобы правильно играть». Но все же она долго перемешивала косточки, прежде чем бросить их. Выпали один раз «лошадь», три раза «коза», два раза «овца». Ни одного «верблюда». Каждый раз, когда он бросал кости, и они занимали те же положения - один раз «лошадь», три раза «коза», два раза «овца», он вспоминал об этой женщине и чувствовал запах бульона, который она готовила.

Они с ребятами играли. Он был младшим, и ему разрешили начать. Он бросил «козу» на «козу» и попал. Он схватил выигранную косточку левой рукой. Всегда левой рукой. Правой бросали. По-другому было нельзя. Может быть поэтому они тогда поругались. Там за юртой, тот мальчик и он. Может быть он хотел бросить левой, ведь он был еще маленьким. А теперь это правило стало для него настолько очевидным, он его настолько хорошо запомнил, что больше никогда не путался; даже когда играл один, потому что не было никого, с кем он мог бы сыграть.

Почему он не спросил женщину как еще называются кибитки?

Однажды он рассказывал ей о том, как кибитки,

за которыми он с другими детьми играл в шага, разобрали и запаковали, как и все, что было внутри кибиток: войлочные одеяла, тонкие, мягкие и теплые ткани, очаг, котлы, а также изображения и скульптуры человекоподобных божественных существ, перед которыми он любил сидеть и запоминать черты их лиц, каждую складку их одеяний, головные украшения, скрещенные ноги, множество рук, их жесты, казалось, они ему машут.

«Нет, не один раз, - женщина с глазами как у него покачала головой, - ты уже часто видел это. Наш народ всегда в пути, на протяжении многих веков мы кочуем от одного пастбища к другому».

Часто?

В его воспоминаниях «часто» слилось в одно единственное мгновение.

Когда все было перевязано, тюки и узлы уложены на верблюдов, его и других детей посадили в большие ящики, которые тоже погрузили на верблюдов и крепко привязали. Там наверху, на спине животного ему казалось, что он очень близок к небу. Под ним же простиралась необъятная степь, по которой двигался караван из людей, верблюдов, лошадей, овец и коз. Заглядывая вперед через край ящика, он пытался найти голову «тысяченой змеи», но не смог ее увидеть. А когда он обернулся, чтобы посмотреть назад, не смог разглядеть конца: настолько длинным был караван кочевников позади

и впереди верблюда, на котором он вместе с другими детьми качался в такт шагов. Напротив него спала тепло одетая, краснощекая девочка, волосы которой были уложены в прямой пробор посередине. Он тоже вскоре задремал.

Когда они остановились, он вылез из ящика. Мужчины начали устанавливать дверные косяки и решетчатые стены и накрывать их войлочными покрытиями. Женщины начали готовить, в том числе и сыр. Сначала они разогревали молоко и оставляли его на огне, пока оно не загустеет. Затем эту мягкую творожную массу помещали в мешок или плотную ткань, чтобы стекала влага. Из получившегося творога катали шарики или лепили плоские лепешки, которые оставляли сушиться на покатых крышах юрт. Он больше всего любил свежий мягкий творог. Пока никто не видел, он окунал обе руки в мешочек, а потом с удовольствием слизывал белый творог со всех десяти пальцев. Попадался ли он когда-нибудь?

Однажды он водил овец на водопой. Вода из родника была желтоватой и затхлой на вкус. Однажды его постригли, лишь на затылке оставили пучок волос, который потом кто-то заплел в косу. Однажды он скакал на лошади с добрыми мягкими глазами и крепко держался за длинную гриву. Он слился с ее жарким телом и шелковистой шерстью, был будто ветром, будто птицей. Вместе с другими детьми летел он без удержки по холмам да по осыпям,

по всей необъятной степи.

В один из дней они, должно быть, справляли праздник. Мужчины боролись друг с другом, схватившись за штаны противника. Все ликовали, когда победитель танцевал с распростертыми как крылья орла руками. Кто-то пел. Тяжелая мелодия лилась из горла певца, как темная волна она поглотила его и унесла туда, где горы касались неба. Он был орлом. Кружил все выше и выше. И в то же время он знал, что здесь он в безопасности, что окружающие его люди являются частью его, а он — их. Вечером песни стали веселее, музыканты громче и озорнее играли на скрипке с деревянной головой лошади. Под хохот и шум подавали напиток с резким пряным запахом, ему тоже поднесли чашу, чтобы он попробовал. Жидкость обжигала горло, ему стало тепло и сонливо как под его войлочным одеялом. Голова его упала на грудь. Кто-то его укрыл. Его мать? Смех и пение вокруг него затихали, ночь окутала его. Он хотел ухватиться за звезды над ним, не хотел пропустить ни одной песни — и проснулся на следующее утро не зная, как и когда он уснул. В юрте было все еще удивительно тихо, было слышно лишь дыхание спящих. Через отверстие на крыше юрты он увидел проплывающие облака, а с алтаря на него смотрела маленькая богиня и махала ему несколькими руками.

Пока не наступила зима...

Сначала замерзли лужицы у водопоя, потом реки. Больше никто не танцевал и не смеялся. Они шли день за днем, даже ночью. В воздухе пахло потом и страхом. Лошади поднимали головы и нервно раздували ноздри. Даже верблюды вели себя беспокойно и дергали носовые кольца. Обледенелая земля скрипела под их ногами. Старый мужчина упал и больше не встал. Все больше людей оставалось позади. Животные без сил падали на твердую землю, на грязный снег, меж обледенелых трав у берегов водоемов. И его маленькая лошадь, на которой он скакал наперегонки с другими детьми. Но «тысяченогая змея» непреклонно двигалась вперед, навстречу восходящему солнцу.

«Видишь стену? - спросил кто-то, указывая вперед в никуда. - Нам нужно туда, там находится Китай. Там свобода».

Кто же это сказал? Его отец? У него должен был быть отец. Или нет? Или же это женщина с глазами как у него, которая варила баранину в бульоне и научила его слову «шага», рассказала ему об этой китайской стене, куда они все бегут? Бегут от чего?

«И где же она сейчас, эта стена?» - спросил он у нее.

«Очень далеко, - ответила она, - ты и я, мы до нее не дошли».

«Значит, мы не на свободе?»

«Где свобода, мой сын? Одни надеются найти

ее с этой стороны большой стены, а другие – с другой стороны. Но свободы нет. Властители не дарят свободы». Она посмотрела на него, на его остриженную голову с черной косой от затылка. «Свобода, - добавила она, - есть только вот здесь, внутри». И указала на его грудь, где невидимо билось его сердце.

Снег слепил глаза. Он поднес к ним как защитный козырёк ладони, пытаясь далеко на горизонте разглядеть стену, чтобы хотя бы иметь представление о стране Китай. В далекой пелене прорисовывалась черная линия. Они шли дальше. Животные уже почти не давали молока. Тяжело шагали люди, частичкой которых он был. Когда он о них вспоминает, то видит их закутанными в грубые тулупы, под меховыми шапками не разглядеть лиц. Он не слышит ни разговоров, ни пения, ни даже ветра. Холодное молчание льда. Где же та краснощекая девочка?

Потом снова засияло солнце. Валуны под деревом. Привал. Лежал ли снег? Было что поесть. Кусочек мяса. Кусочек сухого белого сыра, твердого как камень, от которого он зубами отгрызал тонкие стружки.

После этого его руки крепко держались за мешочек с косточками. Значит, они только что играли. Он нащупал шесть штук, верблюдов, лошадь, коза, овца...

Вдруг что-то сверкнуло как молния, что-то

загремело, на них набросились солдаты, люди истошно кричали.

...безликие лица окрасились в черно-кровавый, дерево было охвачено пламенем, валун взорвался.

Его схватили, кто-то тянул его за ноги, кто-то другой за руки. Пронзительный крик женщины. Он больше никогда не слышал, чтобы кто-то так кричал. Этот крик пробрал все его существо и навечно вжегся в его память. Он чувствовал, как его посадили на лошадь. Потом ему должно быть завязали глаза, или закрыли ладонью, или же он сам закрыл веки. Ему казалось, что если он ничего больше не видит, то и его тоже не видно.

Прозвучал клич, приказ. Лошадь тронулась. Он дрался и бился во все стороны, кусался, царапался, пытался проскользнуть под рукой своего надсмотрщика. Но солдат крепко держал его своей железной рукой. Кажется, так это было.

Затем крик оборвался. Замер. Будто вырвали голос из тела кричащей женщины.

Он открыл глаза, черным горело солнце.

Einbandmotiv: Feodor Ivannoff, Selbstportrait
Lithographie, 1824 (Privatbesitz)
Rückseite: Feodor Ivannoff, Selbstportrait, Aquarell,
1780er Jahre (Kunsthalle Mannheim)

IMPRESSUM

1. Auflage, 2017

Alle Rechte vorbehalten. Kein Teil dieser Publikation darf in irgendeiner Form oder in irgendeinem Medium ohne Genehmigung des Verlags reproduziert oder verwendet werden, weder in technischen noch in elektronischen Medien, eingeschlossen Photokopien, digitale Bearbeitung, Speicherung etc.

Sämtliche Rechte an den in diesem Buch wiedergegebenen Originaldokumenten liegen bei deren Eigentümern, die in den Abbildungsnachweisen aufgeführt sind. Die Veröffentlichung erfolgt mit deren freundlicher Genehmigung.

Gestaltung und Redaktion: Triglyph Verlag
Lektorat: Dr. Marion Heister
Druck und Bindung: Standartu Spaustuve, Vilnius

ISBN 978-3-944258-07-2

© 2017 Triglyph Verlag UG (haftungsbeschränkt)
Schützenstraße 22, 88348 Bad Saulgau
www.triglyph.de

